

УДК 821.161.1.09 : 811.161.1'373.231

**ИМЕНА И СУДЬБЫ В РАССКАЗЕ М. А. ШОЛОХОВА
«СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА»**

С. А. Ефремов

Тверской государственный университет
*кафедра филологических основ издательского дела и литературного
творчества*

В статье с позиций мифопоэтики рассматриваются имена семьи Соколовых. Делается вывод, что антропонимы в рассказе М. А. Шолохова «Судьба человека» соответствуют православным нормам имянаречения, обладают внутренней связью между собой и образуют единый антропонимический комплекс, находящийся в сложном взаимодействии с представлением о судьбе.

Ключевые слова: *М. А. Шолохов, ономастика, этимология имени, православная традиция имянаречения, судьба.*

Работы многих исследователей [1; 2; 3; 4; 17] достаточно убедительно свидетельствуют о том, что личные имена – одно из важных средств характеристики персонажей произведений Михаила Шолохова. Это проявилось и в рассказе «Судьба человека», где обусловленный спецификой жанра малый объём повествования предъявлял повышенные требования к суггестивности текста: «В силу своей семантической ёмкости литературный антропоним – это весьма экономичное средство непосредственной и косвенной характеристики, которая обычно раскрывается в контексте, либо этимологически» [18, с. 163]. Шолохов в полной мере использует оба эти взаимодополняющих фактора, рассмотрение этимологии имени в совокупности с контекстом позволяет сделать ряд интересных выводов, в том числе и в связи с проблемой судьбы человека.

Один из ведущих специалистов по русской ономастике С. И. Зинин выделяет три традиционно сложившихся в России принципа, согласно которым называли младенцев: «...выбор личного имени определяли календарём и стремлением назвать ребёнка по имени отца и матери, также влиянием моды» [5, с. 10–11].

Полностью исключив связь героев рассказа с именами их предков – далеко не случайно упоминание о сиротстве и Андрея Соколова («Родни – хоть шаром покати, – нигде, никого, ни одной души» [20, т. 8, с. 37]), и Ирины («Жена воспитывалась в детском доме. Сиротка» [20, т. 8, с. 37]) – Шолохов не мог дать им имена модные, так как и творчество писателя, и факты его биографии (в частности, полемика с К. Симоновым по поводу псевдонимов) говорят о неприятии «искусственных», неканонических имён. Например, в романе «Они сражались за Родину» Звягинцев рассказывает о том, как жена называет его «странными» именами: «...в одном месте зовёт меня не Иваном, а каким-то Эдуардом» [19, с. 70]. Такое же отношение и к ласковым прозвищам:

«А прозвища? Сначала – «цыпа», потом – «котик», чего же дальше ждать, думаю? В пятом письме, может, она Трезором меня назовёт или ещё каким-нибудь кобелиным прозвищем» [19, с. 70]. Поэтому ведущую роль при рассмотрении шолоховских поэтонимов приобретает этимология, неразрывно связанная с календарными, т.е. православными именами.

Идеально соответствует образу жены главного героя происхождение её имени: Ирина – мирная, спокойная [14, с. 317]. Соколов фактически подтверждает этимологическое значение антропонима: «Хорошая попалась мне девка! Смирная, весёлая, угодливая и умница <...> На грубое слово она тебе не нагрубит в ответ. Ласковая, тихая, не знает, где тебя усадить...» [20, т. 8, с. 37]. Рассказывая о своих не простых отношениях с женой, герой употребляет слово *мир*: «„Прости, милая Иринка, нахамил я тебе...“. И опять у нас мир, и у меня покой на душе» [20, т. 8, с. 37].

Однако понятие о мире в русском языке имеет и более широкий смысл, не ограниченный только семейно-бытовыми ассоциациями с гармонией, ладом, спокойствием и уютом. В одном из основных лексических значений слово *мир* – это отсутствие войны, естественное, «натуральное» течение жизни. И именно этот, изначальный, смысл имени («Ирины — имя богини мирной жизни» [14, с. 317]), мир как антипод войны, соответствует важнейшему мотиву рассказа. Война и мир несовместимы, мир – это лад, война – гибель и разрушение, в ней нет места разуму и справедливости. В такой непримиримый, вечный конфликт войны и мира, добра и зла, света и тьмы вовлекается семья Соколова.

Сама внешность Ирины соответствует её имени, полностью отвечая православному представлению о добродетели, когда ценится красота не внешняя, а внутренняя, духовная: «Со стороны глядеть – не так уж она была из себя видная, но ведь я-то не со стороны на неё глядел, а в упор. И не было для меня красивее и желанней её, не было на свете и не будет!» [20, т. 8, с. 37].

В образе Ирины воплощается подлинно христианский идеал женщины: кроме внешности и характера, она обладает очень редким даром предвидения. Прощаясь с мужем, сердцем Ирина уже чувствует беду, «она и говорит, и за каждым словом всхлипывает: „Роденький мой... Андрюша... не увидимся мы с тобой... больше... на этом... свете“» [20, т. 8, с. 40]. И только намного позже Андрей Соколов понимает пророческий смысл этих слов: «...ещё тогда подсказало ей бабье сердце, что больше не увидимся мы с ней на этом свете» [20, т. 8, с. 59]. «Концепция русского характера у Шолохова включает в себя понимание того, что он уходит своими глубокими корнями в прошлое, что он выпестован всем многотрудным движением народа из глубин седой истории к нашим дням...» [10, с. 22–23]. Широкий исторический взгляд – отличительная черта творческого метода Михаила Шолохова – ярко проявляется и в сфере собственных имён. Так, с древностью связано название города Белая Церковь – места, откуда началась военная служба Андрея Соколова: «Формировали нас под Белой Церковью, на Украине» [20, т. 8, с. 41]. Выбор именно этого города с его уникальной историей и символическим названием, обращённым к народной православной вере, закономерен для воплощения авторского замысла, поскольку позволяет осуществить переключку исторических эпох.

Символичны и исторически обусловлены в рассказе имена Андрея Соколова и его детей. Если в имени Ирина историческая подоплёка выражена слабо, поскольку автору было важно подчеркнуть посредством антропонима несовместимость войны и мира, то имена остальных героев в полной мере реализуют свои связи с отечественной и мировой историей.

«Особливо русское», по высказыванию Флоренского, имя Ольга, в седой древности пришедшее к нам из Скандинавии, «где божественные образы бледны, неоформлены и мало метафизичны, человеческая же воля сильна, непреклонна и сама представляется ноуменом — таинственной силой другого мира» [16, с. 544], оказалось «глубоко принято русским народом» [16, с. 543]. Оно имеет прямое отношение к образованию Киевской Руси, христианизации древнерусского государства. Это имя носила первая русская православная святая, княгиня Ольга. Г. П. Федотов отмечает, что «среди немногих имён русских святых жён есть несколько дорогих для каждого русского сердца. Во главе их – равноапостольная Ольга, почитание которой началось ранее почитания князя Владимира» [15, с. 214].

В народном представлении женщины, носящие это имя, «обладают и волшебными чарами, даже мудростью и вещим даром» [16, с. 544], что соответствует этимологическому значению антропонима — «святая, вещь» [9, с. 203; 14, с. 348].

Обе эти особенности омонима Ольга: мистическая связь с иным миром и вполне реальная с зарождением православия и святости в русском государстве, – позволяют провести определённые параллели с именем другой дочери Андрея Соколова – Насти.

Настя – значит «воскресшая» [14, с. 45], и Шолохов обыгрывает это значение уже в раннем юмористическом рассказе «О Колчаке, крапиве и прочем», где «Настя – лихоманка стриженная <...> Жила ... на шахтах, а тут взяла и приехала, чёрт её за подол смыкнул!» [20, т. 1, с. 306]. Не менее колоритен образ активно участвующей в «бабьем бунте» героини «Поднятой целины» Настёнки Донецковой. Тёзок объединяет причастность к шахтам: одна «с шахтов приехала», у другой фамилия Донецкова, ассоциирующаяся с шахтёрским донецким краем. Представление о шахтах и рудниках как об удалённых и чуждых местах, как о крае света и ином, смертельно опасном и неведомом мире, у Шолохова присутствует в романе «Тихий Дон», где говорится о казаках, вернувшихся, словно выходцы с того света, «из концентрационных лагерей и с рудников» [20, т. 5, с. 333]. Пытаясь найти хоть какой-то выход из сложной коллизии, сложившейся между нею, Степаном и Григорием Мелеховым, Аксинья предлагает: «Гриша, дружечка моя... родимый... давай уйдём... <...> На шахты уйдём, далеко... На Парамоновских рудниках у меня дядя родной в стражниках служит...» [20, т. 2, с. 61]. Это находит подтверждение и в рассказе «Судьба человека», где Андрея Соколова, прошедшего через ад фашистских концлагерей, как на самый крайний, пограничный пункт его «хождения по мукам» «перебросили... в Рурскую область на шахты» [20, т. 8, с. 55].

В России имя Настя даётся в честь святой великомученицы Анастасии, жившей в Римской империи VI века. Она заслужила благодарную память тем, что тайно посещала узников-христиан, томившихся в римских темницах, и

ухаживала за ними, поэтому в русской традиции за ней закрепилось прозвание Узоразрешительница. Аналогию между принявшей мученическую смерть подвижницей, которая помогала подвергавшимся суровым гонениям первым христианам, и дочерью Андрея Соколова, являвшейся ему во сне и придававшей силы, чтобы выжить в фашистских застенках, можно увидеть в шолоховском рассказе: «А ведь в плену я почти каждую ночь, про себя, конечно, и с Ириной, и с детишками разговаривал, подбадривал их, дескать, я вернусь, мои родные, не горюйте обо мне, я крепкий, я выживу, и опять мы будем все вместе...» [20, т. 8, с. 59].

Иконографические символы святой Анастасии – крест и склянка с лечебным маслом – также прослеживаются в рассказе. Символика креста проходит через всё повествование, а склянка с лечебным маслом ассоциируется с военврачом, который «и в плену и в потёмках своё великое дело делал» [20, т. 8, с. 46].

Не вызывает ни малейшего сомнения, что Шолохов был чужд мистики и фантастике, все его произведения, всё его мировоззрение ориентировано на адекватное отражение действительности. Единственным рациональным доступом в сферу ирреального у Шолохова, как и у многих других писателей-реалистов, остаётся выход в онирическое пространство, в данном случае – сна, и он активно использует этот художественный приём: «А тут ещё одна беда: почти каждую ночь своих покойников дорогих во сне вижу» [20, т. 8, с. 66]. Мотив общения во сне рефреном проходит через всю исповедь Андрея Соколова: «Разговариваю обо всём и с Ириной, и с детишками, но только хочу проволоку руками раздвинуть, – они уходят от меня, будто тают на глазах...» [20, т. 8, с. 66].

Таким образом, все три женских персонажа, принявших безвинную, мученическую смерть, имеют имена схожей семантики, в основе которой – православные представления о женственности, невинности, святости и прозорливости. В совокупности эти имена образуют стройную, гармоничную, целостную систему антропонимов, объединённую понятием о мире и милосердии, идеей добра и помощи нуждающимся, верой в вечную жизнь человеческой души.

То, что Шолохов последовательно использовал православную традицию, подтверждает наш анализ мужских имён. Значение очень редкого для произведений Шолохова имени Анатолий трудно объяснить вне христианского миропонимания. Этимологически оно происходит от названия провинции Анатолии, расположенной на востоке древнегреческого государства, поэтому его обычно трактуют как «восточный» [14, с. 45]. В контексте шолоховского рассказа о судьбе нет никакой связи между этим именем и восточными фаталистическими взглядами о предопределении или реинкарнации. Здесь скорее наблюдается связь имени Анатолий с представлением о востоке (Россия) как антипода западу (Европа и весь так называемый «западный мир»). Антитеза «Восток-Запад» в значении *своё – чужое* постоянно использовалась в публицистике и художественном творчестве Михаила Шолохова: «Мы на восток шли, а глаза наши глядели на запад» [19, с. 158], это противопоставление явно присутствует и в рассказе «Судьба человека»: «Вышел я на дорогу, выругался страшным кучерявым,

воронежским матом и зашагал на запад, в плен!» [20 т. 8, с. 44–45]; «А потом – бегом, держу прямо на восход солнца...» [20, т. 8, с. 49].

На наш взгляд, вполне логичная и завершённая картина складывается, если обратить внимание на небесного покровителя, на того святого, имя которого носит Анатолий. Известно, что православная традиция требует не «называть детей именами случайными... но именами мужей святых, просиявших добродетелью» [6]. Христианская церковь почитает нескольких святых с именем Анатолий. Есть среди них и мученики-воины, и служители церкви. Но одна очень яркая и выразительная деталь, явно выделяемая автором – «старшенький, Анатолий, оказался таким способным к математике, что про него даже в центральной газете писали» [20, т. 8, с. 39], – совершенно определённо позволяет утверждать, что небесным покровителем сына Андрея Соколова является Анатолий Александрийский, бывший «человеком выдающейся учёности в арифметике, геометрии, грамматике, риторике и диалектике» [13, с. 209], оставивший после себя десять томов сочинений об основах арифметики.

Смерть Анатолия символична и связана с числами: он погибает в сакральную, святую дату – точно в день, когда окончилась война: «Аккурат девятого мая, утром, в День Победы, убил моего Анатолия немецкий снайпер...» [20, т. 8, с. 60]. И эта гибель не от случайной пули, как, например, смерть Аксиньи в «Тихом Доне». Понятно, почему именно его выбрал вражеский снайпер: «молодой, плечистый, красивый мужчина» [20, т. 8, с. 60], капитан, у которого «шесть орденов и медали», безусловно, он выделялся среди других бойцов и привлёк к себе внимание.

Имя *Анатолий*, в отличие от многих других мужских имён, характерных для произведений Шолохова, говорит не о силе, мужественности и защите, оно связано с профессией, в обычное время далёкой от войны. Однако когда настала грозная пора, мирные способности нашли своё применение в общей борьбе с врагом: «Оказывается, попал он поначалу в артиллерийское училище; там-то и пригодились его таланты к математике» [20 т. 8, с. 60]. И как все герои рассказа, несущие в себе созидательное, мирное начало, Анатолий погибает.

Антропоним *Андрей* принадлежит, если воспользоваться определением Флоренского, к «именам духовно обязывающим» [16, с. 499]: насколько женские имена в рассказе выражают мирное, гармоничное, визионерское начало, настолько в имени Андрей ведущим является активное, мужское: «Андрей – в пер. с др.-греч. – 'мужественный, храбрый' – 'муж, мужчина'» [9, с. 202]. И в сфере ономастики писатель остаётся верен себе, своему принципу разделения людей на женщин – хранительниц домашнего очага, уюта, красоты и света мира, душевности и гармонии, и на мужчин-защитников, чей природный, врождённый долг – оберегать семью, свой род и свой народ, заботиться о благополучии близких, быть старшим и главным в доме. Об этом Шолохов постоянно и открыто говорит в своих произведениях, это ярко прослеживается и в рассказе «Судьба человека»: «На то ты и мужчина, на то ты и солдат, чтобы всё вытерпеть, всё снести, если к этому нужда позвала. А если в тебе бабьей закваски больше, чем мужской, то надевай юбку со сборками, чтобы свой тощий зад прикрыть попышнее, чтобы хоть сзади на

бабу был похож, и ступай свёклу полоть или коров доить, а на фронте ты такой не нужен...» [20, т. 8, с. 42]. Наличие женских черт в мужчине сатирически снижает образ немецкого майора: «Маленький, пузатый, что в ширину, что в длину одинаковый и в заду плечистый, как справная баба» [20, т. 8, с. 55].

Шолохову было настолько важно подчеркнуть мужественность своего героя, что он использовал для этого все средства, включая поэтонимы. И внешность Андрея Соколова, и его поведение, характер, отношение к жизни и к себе – всё свидетельствует о мужской сущности. Рождение детей, строительство дома, выполнение воинского долга – это поступки настоящего мужчины, настоящего человека. Неслучайно именно слово *человек* Шолохов поставил в название рассказа, подчёркивая тем самым что его герой – это идеальный, обобщённый образ, вмещающий в себя лучшие мужские качества.

Андрей – одно из самых распространённых среди русского народа имен, оно входит в десятку самых популярных имён национального ономастикона [5, с. 10–11]. Уже в глубокой древности, с момента появления на Руси, «имя *Андрей* становится в полном смысле слова родовым именем русских князей и проявляет необычайную устойчивость в ряду поколений» [7, с. 130]. Оно часто упоминается в летописях, других письменных источниках, житиях и воинских повестях. Так, только в одном «Сказании о Мамаевом побоище» говорится о князьях Андрее Муромском, Андрее Полоцком, Андрее Кемском, Андрее Ярославском, о переяславском воеводе Андрее Серкизовиче и воине Андрее Волосатом, это имя отмечено в отчестве князя Владимира Андреевича. Перед боем Пересвет обращается: «Брат мой, Андрей Ослябя, моли Бога за меня!» [12, с. 175]. Особо почитаемым князем был Андрей Боголюбский. Это имя носил князь Курбский, выступивший против тирании Ивана Грозного. Уже приведённых примеров достаточно, чтобы сделать вывод о том, что имя Андрей тесно связано с отечественной историей и прежде всего – со становлением её государственности и борьбой за независимость.

Столь широкое распространение имени Андрей среди князей-воинов объясняется христианской традицией нарекать младенцев в честь известных святых, «на Руси особым почитанием издревле пользовались несколько святых с этим именем» [7, с. 125]; «князь, получивший в крещении имя Андрей, чтит... и апостола Андрея, и Андрея Стратилата, и Андрея Критского, и всех прочих своих святых-тёзок» [8, с. 16].

В рассказе Шолохова это имя более всего ассоциируется с Андреем Первозванным. Согласно преданию, «Андрей – один из самых почитаемых христианских апостолов» [11, с. 139], стал первым учеником Христа, в честь этого получил прозвание Первозванный. По легенде, он бывал на территории Руси, участвовал в крещении населявших её племён, поэтому считается святым покровителем России. О широком почитании и известности апостола Андрея говорит тот факт, что в честь его названа высшая воинская награда Российской империи, а его эмблема, крестом, так называемый андреевский крест, является символом российского флота.

Таким образом, и этимология, и культурно-исторический ареол этого имени помогают формированию образа мужественного человека, воина,

причём не просто воина, а защитника всей земли русской. И тем трагичнее судьба Андрея Соколова, что он, предназначенный быть защитником, не смог выполнить своего назначения: дом, который он построил, разрушен, семья погибла, и даже повоювать как следует ему не пришлось. То есть в данном случае имя героя соотносится с его судьбой не как повторение, отражение судьбы в имени, а по принципу контраста: потенциал имени не реализован, и вопрос о том, почему так произошло — главный вопрос исповеди Андрея Соколова: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказила?» [20, т. 8, с. 35].

Рассмотрение имён героев рассказа «Судьба человека» с позиций национально-культурной традиции позволяет сделать вывод, что они соответствуют православным нормам имянаречения, обладают внутренней связью между собой и образуют единый антропонимический комплекс. Это помогает глубже проникнуть в творческий замысел М. А. Шолохова, лучше понять особенности его мировоззрения, проследить взаимообусловленность имени и судьбы. Здесь будет уместно вспомнить высказывание Виктора Гюго, процитированное П. Флоренским: «Имя должно быть образом. Только гениальный поэт обладает способностью наделять свои творения именами, которые выражают их и походят на них» [16, с. 436]. Несомненно, именно это нашло отражение в рассказе Шолохова «Судьба человека».

Список литературы

1. Горбаневский, М. В. У истоков «Тихого Дона» [Текст] / М. В. Горбаневский // Ономастика в художественной литературе : Филологические этюды. – М. : Изд-во УДН, 1988. – С. 56–60.
2. Громова, В. В. Особенности употребления личных имен в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» [Текст] / В. В. Громова // Язык и стиль прозы М. А. Шолохова. – Ростов н/Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1981. – С. 25–40.
3. Данилова, Н. В. Проблемы мотивации и семантизации антропонимов в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» [Текст] / Н. В. Данилова // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2005. – № 2. – С. 7–10.
4. Данилова, Н. В. Семантико-функциональная структура антропонимии в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» [Текст] ; дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Данилова ; Тюм. гос. ун-т. – Тюмень, 2002. – 248 с.
5. Зинин, С. И. Русская антропонимия XVII–XVIII вв. (на материале переписных книг городов России) [Текст] ; автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. И. Зинин ; Таш. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Ташкент, 1969. – 23 с.
6. Златоуст Иоанн. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Том 4, кн. первая. Беседы на книгу Бытия. Беседа XXI [Электронный ресурс] / Иоанн Златоуст // Беседа 21 на книгу Бытия. Златоуст. Т. 4. Ч. 1. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z04_1/Z04_1_21.htm. – Дата обращения: 25.03.2013. – Загл. с экрана.
7. Литвина, А. Ф., Успенский, Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики [Текст] / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М. : Индрик, 2006. – 904 с.
8. Литвина, А. Ф., Успенский, Ф. Б. Глава из истории выбора имён у Рюриковичей : Князя-тёзки и их патрональные святые [Текст] / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Вопросы ономастики. – 2004. – № 1. – С. 14–33.

9. Николина, Н. А. Роман И. А. Гончарова «Обломов» : система имён собственных [Текст] // Филологический анализ текста / Н. А. Николина : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – 256 с.
10. Огнёв, А. В. Рассказ М. Шолохова «Судьба человека» [Текст] / А. В. Огнев : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. – М. : Высш. шк., 1984. – 80 с.
11. Свенцицкая, И. С. Судьбы апостолов. Мифы и реальность [Текст] / И. С. Свенцицкая. – М. : Вече, 2006. – 352 с.
12. Сказание о Мамаевом побоище [Текст] ; подгот. текста В. П. Бударagina и Л. А. Дмитриева ; пер. В. В. Колесова ; ком. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. XIV – сер. XV в. ; вступ. ст. Д. С. Лихачёва ; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 132 – 189.
13. Стридонский, Иероним. Книга о знаменитых мужах [Текст] / И. Стридонский // Подвижники. Избранные жизнеописания и труды. Кн. вторая. – Самара : Изд. дом «Агни», 1999. – 328 с.
14. Суперанская А. В. Словарь русских имён [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Эксмо, 2005. – 448 с.
15. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси [Текст] / Г. П. Федотов. – М. : Моск. рабочий, 1990. – 242 с.
16. Флоренский, П. А. Имена : Сочинения [Текст] / П. А. Флоренский. – М. : Эксмо, 2008. – 896 с.
17. Фролов, Н. К. Систематизация антропонимии в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» [Текст] / Н. К. Фролов // Шолоховские чтения : сб. науч. тр. Вып. 1. – М. : Альфа, 2001. – С. 303–306.
18. Фролов, Н. К. Функции антропонимов в художественном тексте [Текст] / Н. К. Фролов // Духовная культура Сибири. – Тюмень, 1994. – С. 157–164.
19. Шолохов, М. А. Они сражались за Родину. Судьба человека. Наука ненависти : Роман, рассказы [Текст] / М. А. Шолохов. – М. : Сов. писатель, 1985. – 288 с.
20. Шолохов, М. А. Собрание сочинений [Текст] : в 8 т. / М. А. Шолохов. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1956 – 1960. – Т. 1 : Рассказы. – 1956. – 351 с. – Т. 2 : Тихий Дон: (Роман в четырёх книгах). Книга первая. – 1956. – 403 с. – Т. 5 : Тихий Дон: (Роман в четырёх книгах). Книга четвёртая. – 1957. – 504 с. – Т. 8 : Рассказы, очерки, фельетоны, статьи, выступления. – 1960. – 404 с.

THE NAMES AND FATE IN THE STORY OF MIKHAIL SHOLOKHOV "THE DESTINY OF MAN"

S. A. Efremov

Tver State University

The department of the philological bases of publishing and literary work

In the article the Sokolovs' names are considered from the standpoint of mythopoetics. It is concluded that in Sholokhov's story "The destiny of man" anthroponomy corresponds Orthodox naming standards, they has internal communication among themselves and form a single anthroponimical complex, situated in a complex interaction with the idea of fate.

Keywords: *Sholokhov, onomastics, the etymology of the name, the Orthodox naming tradition, destiny.*

Об авторах:

ЕФРЕМОВ Сергей Анатольевич – соискатель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: irina_efremova_tver@rambler.ru

Научная библиотека ТвГУ